

Раймонд Крумгольд
Павел Брат

ПОБЕЖДЁННОЕ СОЛНЦЕ

Летнее солнцестояние

Странное ощущение
Будто солнце действительно
Остановилось

Почему-то вспоминается кадр
Из старого
Глупого
Советского мюзикла про весну
В этом кадре учена
Которую играла Любовь Орлова
Держала в руках колбу
С сгущённым светом солнца

Не люблю подобные фильмы
Но в этом кадре есть какая-то
Почти алхимическая гордость

Победы над солнцем

Наверное поэтому
Хочется взять
бутылку обычного пива
И смотреть

Как люди готовятся к самой короткой в году ночи
Ночи дождей. Пожаров. Аварий. Зачатий

И думать о том
Было ли когда-нибудь время
В которое это всё имело реальное значение

А с другой стороны
Какое вообще отношение к профанации ритуалов
Имеет наивный фильм Александрова?

Такое же отдалённое
Как звезда
Падающая в пустоту
Где-то на расстоянии
В восемь световых минут

От нас

Созданный прославить солнце, Тугурти – чёрный ритуал.
Он – Ритуал чёрной ночи и вечной смерти солнца
Антонен Арто.

Раньше
Практически в прошлой жизни

На самом деле казалось
Что в жизни необходимы лишь книги

И психоделики
Для понимания
Прочитанного

Сейчас же не получается

Что-либо понимать
Томик с надписью Les Tarahumaras

Купленный перед Ночью вне Времени

В качестве конверта

Сам по себе оказывается

Наркотиком

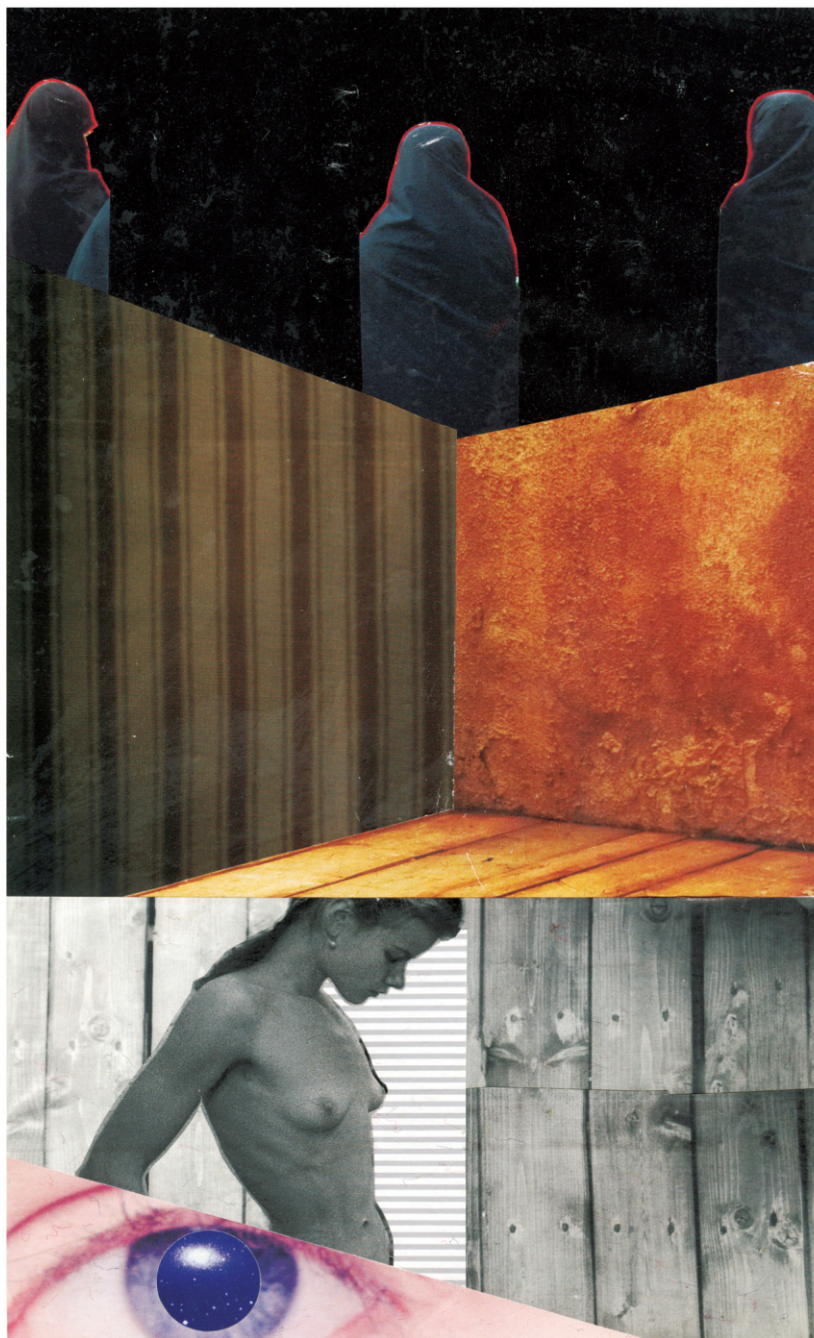
И бетонная эстрада
По странной прихоти построенная практически на кладбище
легко превращается
Если смотреть на неё в полнолуние
В идеальную сцену для
Импровизированного ритуала

Являющегося таковым
Лишь для участников

Мне до сих пор кажется, что когда мы закончили
И пошли, покачиваясь, в сторону леса
За нашими спинами, кто-то встал
С пустых скамеек

И разошёлся

Не издавая ни звука

Три тела
Лежащие в разных частях комнаты
На отходах после
Диссоциативов

Вяло пытающиеся вспомнить
Происходившее с сознанием ночью
Когда любое движение
Или ощущение
Не реализовывалось
Словно притягиваясь гравитацией тела

Как свет притягивается материей
Чёрных дыр
Вернее замкнутых
На себе солнц

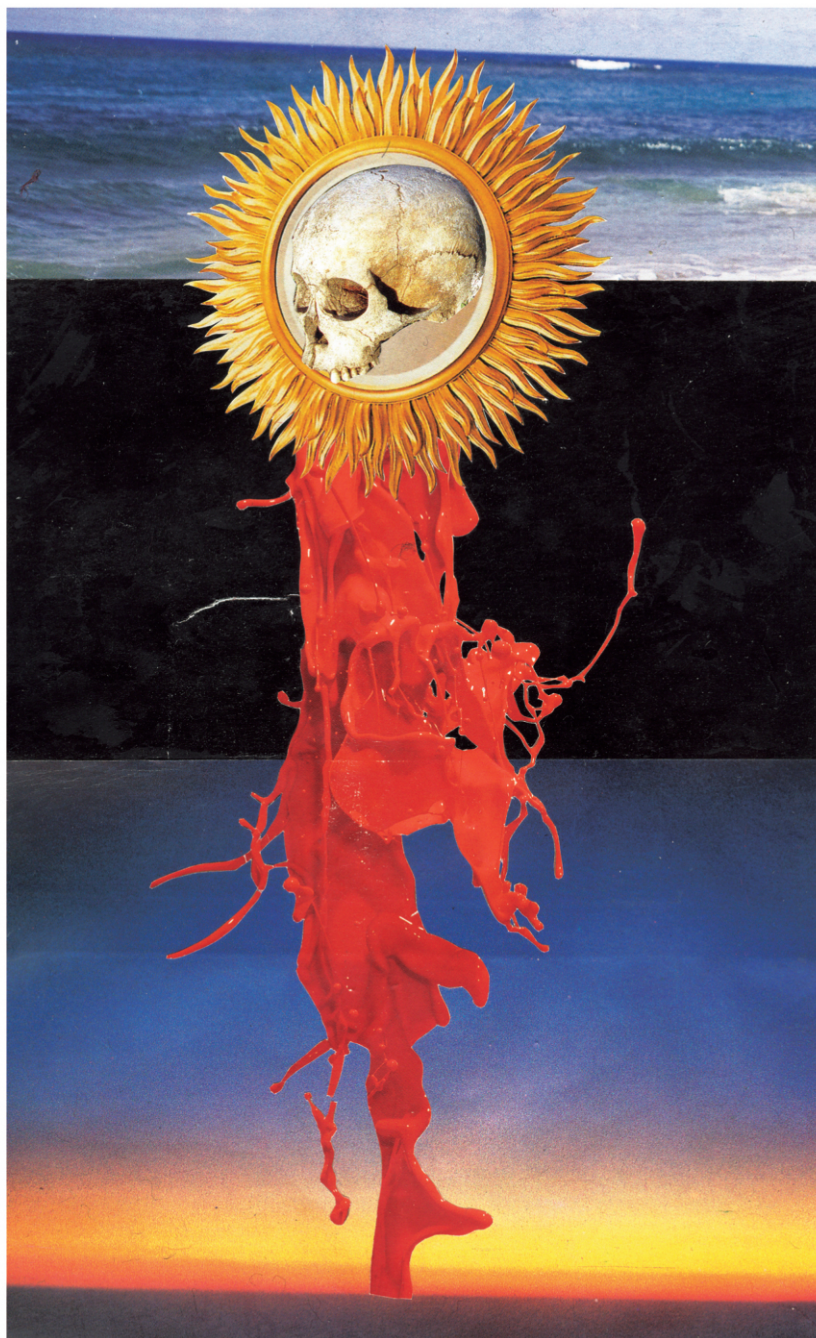
Между ними девочка
Ей пятнадцать
У неё уже есть ирокез, любовник и психоделик
Медленно растворяющийся в крови

Она задыхается от счастья
И пытается отвлечься
Читая вслух первую попавшуюся книгу
С именем Лидия Ланч на обложке
И зачитывает эпизод
Где Джени насилюют бутылкой

Тридцать секунд тишины.

Она замолкает
Поднимает глаза
Где в гигантских зрачках плещутся ошеломление и понимание
И молча смотрит на три тела

Всё ещё поглощающих собственный свет

Не было ещё ничего соединённого, ничто не могло произвести шума,
не было ничего, что могло бы двигаться, или дрожать, или шуметь в небе.
Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование;
были только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое.
Не существовало ничего.
Пополь-Вух.

Ночное море
Еле заметно светится

Ты говоришь
Что оно возвращает накопленное
За день

Зима

Мы лежим
В маленькой гостинице
Возле опустевшего пляжа

Читаем "Книгу Народа"

И через тебя
В этот момент
Говорят забытые люди

Кормившие кровью не собственное самолюбие
А Сердце небес
И земли

Если они были правы

Значит

Каждую минуту и каждую секунду
На этой планете
У кого нибудь вырывают сердце

Это доказывает тот факт
Что здесь всегда

Где то есть

Рассве

Самая длинная ночь в году
Зимнее солнцестояние
Но то что творится на улице
Трудно назвать
Зимой

Час волка
Три человека сидят
И копаются в своих внутренностях
С удивлением понимаю

Мои ещё пахнут тюрьмой

Где-то в ту зиму
Самую длинную из тех, какие я пока переживал
Тоже была подобная ночь

Но я не помню
Когда точно
И где я конкретно был

Вариантов много
Но
Трудно заметить тьму

В месте где человек
По правилам внутреннего распорядка

Всегда должен быть

Освещён

В тот год
Я словно медленно падал сквозь атмосферу газового гиганта
Планеты, вроде Юпитера
Как в глупой фантастике
Где можно упасть на одной половине
И вылететь обратно на противоположной
Просто выдержав давление
В центре это бури

Я себя чувствовал так тяжело, словно уже был в центре
Хотя на самом деле
Падение только началось

В тот вечер
Мы уже начали пить
И человек, которого я знал только один вечер
Спросил у присутствующих про их мечты

Сперва я привычно ответил про баррикады
Помолчал
И впервые за много лет начал рассказывать про зелёный луч

Солнце не только жёлтое и красное, его спектр разнообразен
Но сквозь атмосферу к нам пробивается лишь два этих цвета
И в редкие, наиболее ясные дни
Высоко в горах, или в открытом море
Когда горизонт чист а воздух
Прозрачен
На несколько минут
Солнце меняет цвет
Крайне редко на синий, обычно - зелёный

У меня нет ни одного шанса это увидеть

Ни одного

Через пару часов этот человек
Попытается меня убить
Розочкой
От разбитой бутылки

У него ничего не получится

Кроме того, что на несколько минут
Которые длилась та глупая драка
Я всё же почувствую себя

Существующим

Неисполнимое:

Снять фильм
Короткий и почти без звука
Первый кадр: Фотография военного ботинка.
Камера медленно приближается
К отверстиям для шнурков.

Камера отъезжает.

Фотография висит на голой стене.
Рядом заметно ещё несколько фотографий, это распечатанные кадры из
"Scorpio Rising"
"Das Blaue Licht " и "Да Здравствует Мексика"
Под ними, на чистом полу, аккуратно постеленный матрас.
На матрасе лежат сложенный бомбер и шапка.
Возле него стопка книг.

Могутин. (Открыт на фразе: "Ботинки - глаза скинхеда")
"Смерть в Середине Лета" Мисимы, "Кот Внутри" Берроуза и
"Телигабал" Арто.

Слышны шаги.
Щелчок включаемого магнитофона. Играет джаз.
Это Charlie And His Orchestra - Bei Mir Bist Du Schoen

Камера переходит на центр комнаты.

Там стоит табуретка.
На табуретке – военные ботинки, вакса и щётка.
Босиком подходит человек. И начинает
Медленно чистить ботинки
В такт музыке.

Закончив

Человек подходит к матрасу
Одевает бомбер и шапку и идёт
К выходу из комнаты.
Камера двигается за его спиной.
Остановившись в дверях, человек поворачивается.
Его шапка – это пасамонтане, и она надета
На лицо.

Крупный план глаза.

Камера опускается вниз
На руке человека вытатурирована шумерская свастика
Четыре девушки
С развевающимися волосами

Я не сниму этот фильм.

И не сыграю в нём.
Во мне осталось слишком мало от того человека.
Хотя, шумерскую свастику всё равно
Нужно куда нибудь набить

Когда умирают травы - сохнут
Шепчу
Лежа на диване
Комната наполнена тяжёлым и терпким
Дымом
Колыхающимся в такт
Музыке

Когда умирают солнца..
Велемир считал, что они тогда гаснут
Если и так, скорость света даёт нам ещё
Восемь минут

Ещё восемь минут всё будет длиться
Может только птицы замолкнут
Или косяк в океане
Резко изменит своё направление

Или в ком-то на миг
Всплывёт память предков
Каждое утро приносивших жертвы или
зажигавших связки кораллов над камнем

Либо тех кто
Раз в год
Топил коней в море у Родоса
Или резал на вершине горы Тайгет
Они ведь тоже дышали, те кони
Умиравшие, что бы солнце вставало

Но на самом деле
Мысли про восемь минут
Внушают некое спокойное чувство
Близкое к оптимизму

У нас всегда есть немного времени
Хотя бы секунда
Отделяющая от слияния с этой мёртвой вселенной
Сплошной бесконечной
Материей звёзд и туманностей

Когда умирают люди...
Однажды я видел как две девушки
Ехавшие на похороны близкого им человека
Пели на два голоса "Солнце Взойдёт"

Не знаю
Почему я про это всегда вспоминаю
Вот и сейчас
Вспомнилось.

Традиция и обычаи
Соотносятся друг с другом так-же
Как пепел соотносится
С огнём

Ещё раз убеждаюсь в этом
Мой народ
Давно празднует своё солнцестояние
Независимо
От астрономического

В самую короткую ночь в году
Мой город почти пуст
Небо светиться
Словно по соседству всё же взорвалась атомная станция
И мы стали новой Припятью

Это не сделало бы город хуже

Здесь бы вырос сад, звери
Лежали бы на горячем асфальте
Проломленном
Выросшими деревьями

Даже тюрьма
Где писал Кампанелла
Стала бы отражением его Civitas solis
Если бы из неё
Убрать всех людей

Включая его самого

Утопии не возможны с живыми людьми...

Прохожу
Мимо озера, переполненного кричащими чайками
Светло как днём
Но пригородный лес пуст
В том месте
Где через два дня будут пить пиво толпы празднующих
Только ветер
Сосны
Скамейки

Становлюсь на сцену
И взрываюсь

Уже возвращаясь
Вдруг сформулировал для себя:

Сакральный ритуал - тот, в который верят
Значит самый сакральный
Тот
В который
Верить лишь ты